

Данилов Сергей Иванович
Sergey Danilov

кандидат философских наук, доцент
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
Москва 123001, ул. Большая Садовая, 14
PhD (the philosophical sciences); the associate professor
The Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation
Moscow 123001, Bolshaya Sadovaya street, 14
E-mail: s.danilov.mail@gmail.com

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

Personal identity and folk culture

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, народная культура, культурно-историческая психология, Л.С. Выготский, исследовательский подход в образовании.

Key words: identity, national identity, folk culture, cultural-historical psychology, L.S.Vygotsky, research approach in education.

Аннотация. В статье раскрывается значение формирования идентичности для психологического и духовного развития личности. Автор утверждает, что в современном обществе роль народной культуры в формировании национальной идентичности уменьшилась, анализирует социально-психологические условия, при которых возможно восстановление идентификационной роли народной культуры: обретение элементами народной культуры новых функций путем их инкорпорации с современными видами хозяйственной и социо-культурной деятельности; создание благоприятной, в том числе информационной среды; консолидация общественности вокруг задач национального воспитания; поиск новых образовательных практик. Методологической основой формирования идентичности автор считает положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского о роли знаков в психическом развитии. Для того, чтобы знаки народной культуры стали орудиями преобразования внутреннего мира ребенка, необходимо следовать принципам общения, единства развития и образования, единства интеллекта и аффекта, спонтанного и реактивного образования.

Abstract. The article reveals the importance of identity development for the psychological and individual spiritual development. The author claims: the role of popular culture in the national identity development has decreased in modern society; the author analyzes the socio-psychological conditions under which recovery of the role of folk culture identification will become possible: the elements of popular culture should acquire new functions by incorporating them with modern forms of economic and socio-cultural activities; creating a favorable, including the information environment; public consolidation around the objectives of the national education; search for new educational practices. The author considers that the methodological basis for the identity development is a position of the L.S. Vygotsky cultural-historical psychology on the role of signs in mental development. In order to signs of popular culture have become instruments of the child's inner world's transformation, it is necessary to follow the principles of communication, the unity of development and education, the unity of intellect and affect, the unity of spontaneous and reactive education.

Личность без идентичности невозможна. Психологическое развитие предполагает становление идентичности, потому что идентичность — это атрибут самосознания [15; 16; 17; 18, 164]. Но идентичность — амбивалентное переживание человеком самого себя: с одной стороны своей уникальности (эго-идентичность), с другой — принадлежности к некоей объемлющей личности и значимой для нее общности, своей тождественности с ней (коллективная идентичность).

Если определить *дух* как *единство* [2], то формирование идентичности — это не только психологическое, но и духовное развитие, причем отвечающее глубинным потребностям человека. Э. Фромм, к примеру, размышляя о фундаментальных условиях человеческого существования, ставит психическое здоровье в зависимость от удовлетворения потребности в преодолении ограниченности собственного существования, в системе ориентации и поклонения, чувствах приобщённости, укоренённости и тождественности [10, 91]

Чем грозит несформированность или утрата идентичности? Для личности — это настоящий экзистенциальный кризис, симптомы которого: разорванное самосознание, дефект воли, утрата идеалов и личностных смыслов, проблемы социализации и коммуникации, апатия, депрессия, аполитичность, инфантильность, затруднение с профессиональным самоопределением — всем тем, что в совокупности может быть определено как духовное нездоровье. Несформированность или утрата личной идентичности может вызвать: потерю психической стабильности и эмоциональной уравновешенности, повышенную тревожность, неврозы и фобии, появление эскапистского и даже суицидального комплекса, склонность к деструктивному поведению, мазохизму или садизму, а также заболевание алкоголизмом и наркоманией. «Поистине одна из худших форм душевных страданий человека — это скука, незнание, что делать с собой и своей жизнью», — заключает Э. Фромм [10, 387].

Государственные последствия несформированности или утраты идентичности индивидами оборачиваются кризисом национальной идентичности, а это предпосылка к потере национального суверенитета (самоосуществления нации). Вместе с тем значительная часть философов, социологов, политологов и культурологов с тревогой говорят о поразившем мир кризисе национальных идентичностей [11; 12; 13; 19]. «Миллионы индивидов напряжённо ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок», — пишет Э. Тоффлер [19, 366]. Утрата любой нацией своей идентичности грозит ей потерей способности к стратегическому самоутверждению (в терминологии Ю. Хабермаса — «экзистенциальному самоутверждению нации»), эрозией политики (только сознание национальной идентичности заставляет людей чувствовать взаимную политическую ответственность [11, 369, 370]; национальная идентичность — духовное основание современной политической конструкции, условие развития живого политического бытия [14, 387, 394]). Разрушение идентичности народа оборачивается его неспособностью сформулировать национальный интерес

(«национальные интересы вырастают из национальной идентичности» [13, 31]) и в конечном итоге — утратой народом своей исторической экзистенции: его способности к самоосуществлению и созиданию своей исторической судьбы, к жизни, опирающейся на собственные глубинные основания: культурно-исторические, геополитические и духовно-религиозные. С утратой идентичности общество перестаёт быть обществом и превращается в атомизированную массу отчуждённых индивидов — удобный материал для социально-политического, идеологического и экономического манипулирования [3].

В традиционном обществе национальная идентичность как чувство сопричастности судьбе и жизни своего народа формировалась за счет развитой национальной, и прежде всего народной культуры. И в современном обществе у народной культуры есть преимущества перед другими средствами формирования идентичности, так как народная культура архетипична, более всех остальных элементов культуры связана с коллективным бессознательным народа, определяющим его мирозерцание, мирочувствие, миропонимание и корпус идейно-волевых тяготений.

Например, архетипичен сказочно-былинный образ русского богатыря на распутье: он отражает исторический опыт жизни народа, оказавшегося на границе двух культурных материков Запада и Востока и обреченного на постоянный крестный выбор своего пути; в этом же образе богатыря, совершающего свой крестный выбор, угадываются архетипические черты жертвенной любви, самопожертвования при защите родной земли, освященные православной верой.

В интерпретации таких народных архетипических образов происходит обнаружение духа народа, застывшего в образцах народной культуры, но в нас оживающего, обновляемого (актуализируемого) и транслируемого в будущее. В таком «распредмечивании/оживлении» народного духа происходит своеобразный диалог поколений, формируется их солидарность и единство.

Вместе с тем, при всей традиционной значимости народной культуры для воспроизводства идентичности ее место в идентификационном комплексе современного человека, на наш взгляд, значительно сузилось. Народная культура сегодня находится в крайне диффузном состоянии, утратив ту целостность, ясность и отчетливость, которыми обладала в прошлом. Лишь немногие элементы народной культуры по-настоящему представлены в повседневной жизни современного человека (так, как религия). Многие элементы народной культуры утратили свои функции, и искусственное возвращение их в жизнь современного человека бесперспективно. Разумеется, что эти элементы утрачивают и свою идентификационную роль (к примеру, национальный костюм). Заметим, что этого не скажешь об обценной лексике, продолжающей выполнять важные психологические функции в жизни человека, — отсюда ее живучесть несмотря на то, что эта лексика табуирована [8].

Те или иные элементы национальной культуры вновь обретут свое идентификационное значение, когда станут вновь встроенными в реальную деятельность и обретут новые функции. Именно это происходит в экономической сфере по брендированию товаров и услуг с использованием различной

национальной символики, в сфере туризма — в брендировании территорий и создании новых турпродуктов [6].

Если элементы народной культуры введены в круг общения и деятельности, они вновь превращаются в знаки, имеющие обновленное значение и смысл, происходит их реинтериоризация, органичное их усвоение, они вновь начинают «звучать».

Однако для своего второго рождения знаки народной культуры нуждаются в благоприятной общей среде. Сегодня ее нет, потому что перестает быть русским образование, перестают быть русскими детские игрушки, язык, еда, кинематограф, городской ландшафт. Практически вся бытовая техносфера и по происхождению, и по содержанию лишена национальной окраски. В такой инородной среде даже удивительные произведения декоративно-прикладного искусства на выставках «Покупайте российское» вместо восхищения и гордости у многих вызывали досаду и разочарование: «Россия XXI века не производит даже собственных утюгов, не говоря о сотовых телефонах, компьютерах и т.п.» Возникает обратный эффект: произведения народных промыслов в определенном контексте «работают» на формирование негативной идентичности, как бы доказывая, что наша самобытность — в нашей технологической отсталости.

Без новой функциональной нагруженности, вне органичного для себя контекста любой элемент народной культуры будет скучным, архаичным, нелепым. Там же, где элементы народной культуры сохранили старые или обрели новые функции (эстетические или утилитарные), они продолжают играть свою национально-идентификационную роль (например, национальные костюмы, в которых совершается помолвка или играется свадьба у крымских татар).

Разумеется, придать вторую жизнь некоторым традиционным элементам народной культуры очень сложно, так как они прочно связаны с доиндустриальным хозяйством и образом жизни (как, например, у народов русского Севера, занимавшихся оленеводством, охотой и рыболовством). В условиях урбанизации и индустриализации такие элементы требуют консервации в различных формах современной музейной работы и культурно-досуговой деятельности: по большому счету, народная культура остается самоценной, и важно сохранить не столько ее утилитарные функции, сколько ценностно-смысловое ядро [4].

Сохранение и удержание народной культуры в качестве идентифицирующего фактора зависит во многом от воли общественности, родителей, педагогов, деятелей культуры. Русская интеллигенция, к примеру, оказавшаяся в вынужденной послеоктябрьской эмиграции в 20-х годах прошлого века, пытаясь сохранить для своих детей русское образование и воспитание, стала активно заниматься комплексным руссеедением, создавать за рубежом русские школы, институты и книгоиздательства, центры русской культуры в Берлине, Париже, Праге, Белграде, Харбине и т.д. Оказавшись в трудных материальных условиях, люди думали не только о выживании, но и о сохранении русской национальной идентичности.

Другой пример — особая забота о формировании женской национальной идентичности у народов Кавказа [1]. Проявляется она в стремлении приобщить девочек в адекватные традиционному для кавказских народов укладу жизни виды

женского труда, самым распространенным из которых является рукоделие. По большому счету, девочек учат не рукоделию, а женской роли: заботе женщины о членах семьи, необходимости уважать отца и брата, всех представителей мужского пола, быть терпеливой, молчаливой и сдержанной, но ответственной, трудолюбивой и искусной хозяйкой, быть ответственной за порядок и покой в доме. Через специфически женский труд у девочки-подростка формируют психологическую установку, с которой она идет по жизни.

Для понимания механизма формирования идентичности средствами народной культуры важно утверждение одного из крупнейших представителей феноменологической герменевтики Поля Рикёра о том, что не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами: самопонимание возникает в интенциональном акте, направленном на знаки культуры, в интерпретации этих опосредующих знаков [9]. В этой логике народная культура есть та «инаковость», в которую можно и нужно «смотреться», чтобы понять себя нынешнего, современную культуру. Но, в силу того, что это «другое» есть «свое-другое», возникает историческая размерность как индивидуального, так и коллективного сознания: когда «понимание себя» опосредовано образцами народной культуры, то их интерпретация превращается в диалог с прошлым, в вопрошание прошлого, а результатом становится возникновение историчности сознания, чувства солидарности поколений. Когда же этими «опосредующими» знаками являются случайные или искусственные знаки-новоделы, то воспроизводится одномерный индивид.

Чтобы произошла интериоризация знаков народной культуры, мало учителю эти знаки объяснить: идентичность не извлекается из них механически. Как сделать так чтобы знаки народной культуры стали экзистенциально значимыми для детей и молодежи, когда традиционные образовательные технологии по «приобщению» к народной культуре и «формированию» идентичности оказываются неэффективными, проигрывающими в конкуренции с масс-медиа и прочими влияниями на молодое поколение?

Исследователи проблемы справедливо указывают, что нужны новые образовательные практики, обеспечивающие «проживание» родной культуры, установление глубокой эмоциональной связи с ней и присвоение содержащихся в ней смыслов, осознанное принятие личностью традиций, ценностей, особых форм культурно-исторической, социальной и духовной жизни родного края (малой Родины) и России [4].

Эти практики должны опираться на собственную активность детей и молодежи, быть диалогичными, ориентированными на свободную и творческую самореализацию учащегося в работе над исследовательскими проектами. По сути, речь идет о наиболее полной реализации идей культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Для того, чтобы знак народной культуры стал орудием преобразования внутреннего мира ребенка, необходимо следовать принципам: общения, единства развития и образования, единства интеллекта и аффекта, спонтанного и реактивного образования [7].

Оптимальной формой реализации этих принципов является, на наш взгляд,

исследовательский подход в образовании. Совместная, в том числе внеурочная деятельность учащихся и учителя по исследованию природы, истории и культуры каждого края в их неразрывной связи с историей и культурой России в целом позволит сделать образование, в полном смысле, национальным воспитанием, о необходимости которого писал еще И.А. Ильин: «Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть её будущий исторический путь» [5, 123].

ЛИТЕРАТУРА

1. Амерханова З.Ш., Нюдюрмагомедов А.Н. Ценности традиционной культуры в формировании этнической идентичности девочек-подростков // Этносоциум. 2015. №3. С.118-122.
2. Данилов С.И. Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 130-134.
3. Данилов С.И. Феномен революционного психоза // Инициативы XXI века. 2014. №3. С. 91-94.
4. Ефимов В.С., Лаптева А.С. Проблемы и возможности сохранения коренных народов Севера: культурно-антропологический аспект // Человек.RU: Гуманитарный альманах. Новосибирск: НГУЭУ, 2014. С.186-199.
5. Ильин И.А. О русском национализме: сб. статей. М.: Российский Фонд Культуры, 2006.
6. Коробова О.О. Проблемы развития традиционной народной культуры как специфического экономического явления в современных российских условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5. С. 59-64.
7. Кравцова Е.Е. Реализация идей Л.С. Выготского в системе непрерывного образования // Инициативы XXI века, 2015. №4. С. 62-65.
8. Мырнин А.В. Эмоциональный язык нецензурной речи // Инициативы XXI века. 2014. №3. С. 95-98.
9. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1999.
10. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009.
11. Хабермас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
12. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь Мир, 2008.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
14. Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001.
15. Эриксон Э. Детство и общество / Пер. с англ. Обнинск, 1993.
16. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996.
17. Ясперс К. Введение в философию. Минск, 2000.
18. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.
19. Toffler A. The Third Wave. NY, 1980.